

DOI 10.15826/qr.2024.1.871

УДК 314.74(474.5:89) + 94(474.5)"1940/1950" + 325.1(474.5:89) +
+ 355.01:32.019.51 + 325.254.4 + 325.254.2 + 327.54

Литовская диаспора в Уругвае в условиях начала холодной войны*

Марина Мосейкина

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия;

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Lithuanian Diaspora in Uruguay During the Beginning of the Cold War

Marina Moseykina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia;

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article studies the problems behind the involvement of the Lithuanian diaspora of Uruguay in the political processes at the beginning of the Cold War (second half of the 1940s – early 1950s). The author considers the history of the formation of the Lithuanian diaspora in the South American country starting from the later period of the Russian Empire and its status in the interwar period in the context of the development of the Lithuanian statehood. Additionally, the article describes the emergence and solution of the problem of refugees and displaced persons after World War II in the international context. It is noted that the refugees and displaced persons were mostly representatives of the Soviet Union (including the Baltic states that became part of the USSR in 1940), Poland, Yugoslavia, and other countries of Eastern Europe. The study proves that in the new historical conditions, there was a change in the social composition of the Lithuanian emigration of Uruguay, which was replenished with political opponents of the Soviet regime, collaborators fleeing retribution, and “Westerners” (defectors). Formed as a result of a global conflict and a new

* *Citation*: Moseykina, M. (2024). Lithuanian Diaspora in Uruguay During the Beginning of the Cold War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 160–173. DOI 10.15826/qr.2024.1.871.

Цитирование: Мосейкина М. Литовская диаспора в Уругвае в условиях начала холодной войны // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 160–173. DOI 10.15826/qr.2024.1.871 / Мосейкина М. Литовская диаспора в Уругвае в условиях начала холодной войны // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 160–173. DOI 10.15826/qr.2024.1.871.

system of international relations, this type of diasporas was called “communities of exiles”, “exiled communities”, or “political diasporas”. The politicised nature of such diasporas, which included post-war Lithuanian emigration to Uruguay, led to its participation in the information confrontation with the USSR in the framework of the Cold War that had begun. In this regard, the author examines the attitude of the Uruguayan authorities to the “emigration governments of the Baltic countries”, and, more particularly, the so-called “Lithuanian government” headed by Mykolas Krupavičius in the USA and his “mission” headed by Kazimiro Grauzhinis in Uruguay. The specifics of the situation with the problems of repatriation in the USSR, which is revealed using materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation and emigration periodicals, showed the reaction of the Soviet leadership to the position of Uruguay in relation to Soviet displaced persons (including within the new borders). The author concludes that in the context of intra-diaspora splits, immediately after the war, the nationalist-minded part of the Lithuanian emigration was an active participant of all anti-Soviet campaigns, using finances and all possible information resources for this (primarily, the United States). Hence, the unconditional orientation towards Washington of this part of the diasporas, including the Lithuanian one, which was called upon to sow anti-Russian sentiments and support the negative image of the USSR in the public opinion of the West, becomes obvious and logical.

Keywords: information war, refugee, displaced persons, Lithuanian emigration, repatriation, government in exile

Статья посвящена проблемам включенности в политические процессы начала холодной войны (вторая половина 1940 – начало 1950-х гг.) литовской диаспоры Уругвая. Рассматриваются история формирования литовской диаспоры в этой южноамериканской стране начиная с позднего периода Российской империи и ее статус в межвоенный период в контексте развития литовской государственности. Показаны возникновение и решение проблемы беженцев и перемещенных лиц после Второй мировой войны в международном контексте. Отмечается, что в числе беженцев и перемещенных лиц были большей частью представители Советского Союза (включая балтийские государства, вошедшие в состав СССР в 1940 г.), Польши, Югославии и других стран Восточной Европы. Доказано, что в новых исторических условиях произошло изменение социального состава представителей литовской эмиграции Уругвая, которая пополнилась политическими противниками советской власти, коллаборантами, «западниками» (невозвращенцами). Данный тип диаспор, который был сформирован в результате глобального мирового конфликта и сложившейся новой системы международных отношений, получил название «сообществ изгнанников», «ссылных сообществ» или «политических диаспор». Политизированный характер подобных диаспор, к которым относились и представители литовской послевоенной эмиграции в Уругвае, обусловил ее участие в информационном противостоянии с СССР в рамках начавшейся холодной войны. В связи с этим раскрывается отношение властей Уругвая к «эмиграционным правительствам прибалтийских стран», в частности, к так называемому

литовскому правительству во главе с Миколасом Крупавичюсом в США и к его «миссии» во главе с Казимиром Граужинисом в Уругвае. Специфика ситуации с проблемами репатриации в СССР, которая раскрывается с привлечением материалов из Архива внешней политики РФ и эмигрантской периодики, показала реакцию руководства Советского Союза на позицию Уругвая в отношении советских перемещенных лиц. В условиях внутридиаспорных расколов националистически настроенная часть литовской эмиграции сразу после войны была активным участником всех антисоветских компаний, используя для этого финансы и информационные ресурсы, прежде всего США. Отсюда очевидной и закономерной была безусловная ориентация на Вашингтон этой части диаспор, включая литовскую, которая была призвана возбуждать антирусские настроения и поддерживать негативный образ СССР в общественном мнении Запада.

Ключевые слова: информационная война, беженцы, перемещенные лица, литовская эмиграция, репатриация, эмигрантское правительство

Одна из проблем, которая поднимается в современной отечественной и зарубежной миграциологии, связана с формированием и развитием института диаспоры, под которой понимаются «те этнические рассеяния, которые находятся за пределами государства исхода». При этом отмечается, что «для получения более или менее полной картины диаспоры следует принимать во внимание все многообразие волн миграции, степень ассимиляции и особенности процессов изменения идентичности в стране проживания» [Попков, с. 3]. Это касается и литовской диаспоры за рубежом, история которой была тесно связана с историей миграции народов Российской империи и с последующими волнами эмиграции с территории Литвы, включая послевоенный период, в рамках которого решалась судьба перемещенных лиц (Displaced persons of United Nations, DP). Эту часть эмиграции, в большей степени вынужденную покинуть первоначальную родину по политическим причинам, в зарубежной литературе называют «сообществами изгнанников», «ссылными сообществами» [Там же, с. 48] или «политическими диаспорами» («беженцами от коммунизма») [Fitzpatrick], которые концентрировали свою энергию главным образом на критике страны происхождения. Как одна из подгрупп диаспор выделяется «диаспора катаклизма», возникающая вследствие распада крупных государственных образований и изменения политического устройства и в этом случае демонстрирующая признаки слабой укорененности в принимающих странах [Брубейкер, с. 8].

Состав подобных диаспор после Второй мировой войны формировался главным образом из числа перемещенных лиц. Общая численность только советских перемещенных лиц (военнопленных и угнанных в Германию на принудительные работы, включая граждан балтийских государств, вошедших в состав СССР в 1940 г.), составляла 5 млн чел., что потребовало создания международных институ-

тов и выработки механизмов регулирования миграционных потоков в мировом масштабе. Эту работу с 1943–1952 гг. выполняли такие структуры, как Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration, ЮНРРА), с 1947 г. – Международная организация по делам беженцев и перемещенных лиц (The International Refugee Organization, ИРО).

В рассматриваемый период, который совпадал с началом холодной войны между СССР и США, происходила борьба за мигрантов из СССР (в новых границах), в ходе которой использовались как дипломатические и административные меры (препятствовавшие репатриации советских военнопленных и перемещенных лиц, бежавших из Германии на Запад), так и правовые гарантии безопасности для сотрудничавших с нацистами коллаборантов, получивших разрешение на въезд в США, Великобританию, Канаду, Австралию, страны Латинской Америки [Пивовар, с. 348]. В этом контексте актуализируется проблема отношения «исторической родины» к соотечественникам за рубежом, которая, как хорошо показывает пример прибалтийских стран и буржуазной Литвы, в частности, может определяться стремлением использовать их как важный ресурс при решении собственных внутригосударственных проблем нацистроительства. Через призму диаспоральности с помощью внешнего ресурса разрабатывался механизм формирования идеологием «национального возрождения», «объединения нации», преодолевался синдром «разделенной нации» [Восток России, с. 18].

На рубеже XX–XXI вв. вновь возрастает численность перемещенных лиц. Согласно данным Центра мониторинга внутренних перемещений (IDMC), число внутренне перемещенных лиц к концу 2022 г. достигло 71,1 млн чел., что значительно больше уровня 2021 г., когда их насчитывалось 59,2 млн (прирост составил около 20 %) [Из доклада Центра мониторинга внутренних перемещений (IDMC)]. Среди главных факторов, которые обеспечили подобный прирост, вновь были мировые и региональные конфликты, включая стихийные бедствия и ситуацию на Украине.

Формирование литовской диаспоры

Начало массовой миграции с территории Российской империи в страны Нового Света относится к концу XIX в. Важную роль в миграционном движении за океан сыграли западные губернии (Царство Польское, Финляндия, Литва (Ковенская и Виленская губернии), Волынская губерния Правобережной Украины), которые внесли весомый вклад в дело заселения США, Канады, Аргентины, Бразилии. Две последние страны были основными странами-реципиентами Южной Америки. В совокупности в эти страны к началу XX в., по различным данным, переселилось 277,4 тыс. чел. (из них в Уругвай – 7,4 тыс. чел.) [Кабузан, 1998, с. 122]. Данная миграционная волна была преимущественно экономической или трудовой.

В среде литовской эмиграции с самого начала были представлены различные политические течения – от радикальных (социалистических) до правых буржуазно-националистических. В кругу последних в дореволюционный период формировались антирусские настроения, служившие основой для борьбы за независимую литовскую государственность. В 1912 г. в Париже проживавшим там Юозасом Габрис-Паршайтисом был создан Союз народов, под эгидой которого прошло пять «Конгрессов народов» (в 1912, 1915, 1916, 1918 и 1919 гг.). Третий по счету конгресс проходил в 1916 г. в нейтральной Лозанне, где незадолго до того была основана Лига инородческих народов России (которую создал и в дальнейшем курировал украинский националист Дмитрий Донцов). Среди делегатов были лидеры национальных движений народов России, в частности, Антанас Сметона – будущий президент и диктатор «независимой Литвы». Именно на этой конференции впервые была провозглашена декларация о независимости Литвы [Дроздов].

В этом контексте понятно признание советского полпреда в Литве (в 1928–1930 гг.) В. А. Антонова-Овсеенко, которое он сделал еще до переворота А. Сметоны:

Мы в Литве настолько слабо противоборствовали закреплению нам враждебных явлений, что сейчас здесь нет ни одной политической партии или группы, которая осмелилась [бы] не то чтобы рекомендовать ориентацию на Москву, но просто оговаривать необходимость установления добрососедских отношений с нами [цит. по: Рупасов, с. 187].

Подобное мнение характеризовало настроения политической элиты буржуазной Литвы, которая сразу после свержения советской власти в республике через литовские эмигрантские организации пыталась заручиться поддержкой Запада.

В межвоенный период потоки эмиграции с территорий Польши и Литвы оставались столь же значительными, как и в предыдущие годы. В период с 1920 по май 1940 г. с территории буржуазной Литовской Республики (по данным литовских источников) эмигрировало 102,5 тыс. чел., из них в Уругвай за эти годы переселилось 4,4 тыс. литовцев, или 4,3 % выехавших. Половину из эмигрировавших составляли лишенные земли и работы крестьяне [Эйдинтас, с. 153].

Правительство Литвы продолжало активно взаимодействовать с представителями диаспоры в разных странах их проживания. Литовские официальные власти финансово поддерживали эмигрантские организации только правого националистического толка, ставя одновременно задачу консолидации диаспоры на национальной основе. В Каунасе в 1932 г. было создано «Общество поддержки литовцев за рубежом» (ОПЛР), а в 1935 г. здесь же был создан Конгресс литовцев мира с участием представителей литовских эмиграционных организаций из многих стран, на котором было заявлено о создании Союза литовцев мира.

С 1 августа 1938 по 19 февраля 1939 г. в ходе командировки состоявшие литовских поселений и их перспективы в Южной Америке изучал председатель ОПЛР Р. Скипитис. Он посетил Аргентину, Бразилию, Уругвай и Парагвай с целью изучения возможности будущей колонизации литовцами территории южноамериканских стран. Наилучшие перспективы виделись именно в Уругвае, где на тот момент, по мнению Р. Скипитиса, сложились наиболее благоприятные условия для создания колоний переселенцев на свободных землях. Но Вторая мировая война прервала связи с литовскими переселенцами в Южной Америке и закрыла саму тему колонизации ими латиноамериканских земель [Эйдинтас, с. 190].

Литовские перемещенные лица в Латинской Америке

Дальнейшие коррективы в состав литовской диаспоры за рубежом были внесены Второй мировой и Великой Отечественной войнами, когда с территории СССР из общего числа советских граждан (4 млн чел.) на территорию Германии было переселено, соответственно, 2109 тыс. чел. с Украины, 1184 тыс. – из РСФСР, 374 тыс. – из Белоруссии, 249 тыс. – из Латвии, 37 тыс. – из Литвы [Кабузан, 1996, с. 233]. Одновременно к концу войны родину по политическим причинам покинули 60 тыс. литовцев (а также 88 тыс. латышей, 80 тыс. эстонцев), которые вслед за немцами ушли на запад, откуда в статусе уже беженцев и перемещенных лиц эмигрировали в третьи страны. Это были радикальные противники коммунизма и советской власти, часть из них входила в состав литовской «Самообороны», служившей на стороне вермахта, или воевала в националистическом подполье («лесные братья», «Фронт литовских активистов»), или принимала участие в холокосте и военных преступлениях против мирного населения (еврейский погром в Каунасе) [Носович]. В 1947–1951 гг. процессом переселения перемещенных лиц (в противовес политике репатриации в СССР) занималась Международная организация по делам беженцев (International Refugee Organization, IRO). По этому поводу известная австралийская исследовательница Ш. Фитцпатрик отмечает: «С точки зрения Запада, это было не воровство (так политика IRO оценивалась советским руководством. – М. М.), а скорее гуманитарные усилия во имя людей, которые якобы “выбрали свободу” – изблюбленный образ холодной войны, что было бы для них лучше, чем жизнь при коммунистической диктатуре» [Fitzpatrick, p. 3]¹.

Основной поток перемещенных лиц направлялся как за океан – в страны Северной и Южной Америки, так и в Австралию. Следует заметить, что на Латино-Американском континенте к тому времени часть этнических диаспор (славянских, армянской, еврейской, литовской, латышской) в силу социального статуса и политических убеждений тяготела сначала к Советской России, а потом и к СССР как

¹ Здесь и далее перевод цитат из научных работ и документов автора статьи.

стране-победительнице в борьбе против фашизма. Прибытие сюда новой волны антисоветски настроенной эмиграции вызвало очередной этап политической конфронтации внутри диаспор [Мосейкина, с. 273].

Уругвай наряду с Бразилией и Аргентиной стал одним из центров эмиграции перемещенных лиц из Европы. Значительное их число, как уже отмечалось выше, было с территории Прибалтики. По данным советских послевоенных источников, в таких странах, как Бразилия и Аргентина, проживало до 30 тыс. литовцев в каждой, в Уругвае – до 3 тыс. [АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 15. Папка 105. Д. 10. Л. 19, 20; Ф. 070. Оп. 15. Папка 104. Д. 25. Л. 8].

Тесные связи Уругвая с Америкой привели к тому, что вслед за США власти Уругвая не признали факта вхождения прибалтийских республик в состав СССР. На американской территории в тот период действовали так называемые эмигрантские правительства прибалтийских государств. В частности, здесь располагалось литовское эмигрантское правительство во главе с бывшим государственным деятелем Миколасом Крупавичюсом.

Еще в ноябре 1943 г. на территории Литвы, оккупированной нацистами, был создан Верховный комитет освобождения Литвы, или ВЛИК (*Vyriausiasis Lietuvos išlaisvinimo komitetas, VLIK*), который действовал как подпольное правительство на территории СССР; после освобождения Прибалтики от нацистов его члены перебрались в Германию, а оттуда – в США. Первым председателем ВЛИК был Степонас Кайрис, которого после окончания войны сменил Миколас Крупавичюс, находившийся в этом статусе вплоть до 1955 г. Именно ВЛИК объявлялся противниками советской власти законным представителем литовского парламента и правительства, однако на деле комитет так и не получил международного признания.

Деятельность подобных литовских эмигрантских центров в период холодной войны была консолидированной, направленной на борьбу против СССР. Как указывает А. Т. Доронченков, «борьба с СССР-Россией в межвоенные и последующие годы велась политизированной частью эмиграции в двух основных направлениях, на внутреннем и внешнем «фронтах»» [Доронченков, с. 189]. В случае с литовской эмиграцией – еще и с помощью собственных информационных ресурсов, таких как служба новостей информационного агентства ЕЛТА (ЕЛТА), радиопередачи и др. Верховный комитет освобождения Литвы издавал различные бюллетени ЕЛТА на литовском, немецком, итальянском, английском, испанском и португальском языках.

В Уругвае к участию в информационной войне против СССР подключилась «литовская миссия» во главе с Казимиром Граужинисом, который считал себя «посланником» располагавшегося в США правительства Крупавичюса. Наряду с ним здесь был и второй «посланник» – Шацикаускас, который выступал от имени еще одного «президента» – Габрис-Паршайтиса, проживавшего к тому времени в Швейцарии. Советские дипслужбы сообщали о возможном появ-

лении и третьего «посланника» в Литве, представлявшего еще одного потенциального литовского «президента» – Стасиса Лозарайтиса, бывшего министра иностранных дел Литвы, возглавлявшего в то время дипломатическую службу в изгнании в Ватикане. В январе 1949 г. Лозарайтис заявил, что якобы Сметона, «выезжая» из Литвы в 1940 г., «по Конституции 1938 года, согласно статье 71, параграф 97, подписал акт о сдаче поста президента Лозарайтису и вице-президентом назначил генерала Шкирпа (бывшего военного атташе в Берлине)» [АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 16. Папка 107. Д. 12. Л. 33].

Однако основная «борьба за массы» в Уругвае развернулась между Граужинисом и Шацикаускасом. Первого признавали уругвайские власти в качестве официального представителя Литвы, в результате чего он получал ежемесячный гонорар в сумме 900 уругвайских песо, консул Гришонас – 500 уругвайских песо, помощник Граужиниса и одновременно культурный атташе Чибирас – 200 американских долларов [Мосейкина, с. 374]. Несмотря на подобную «официальную поддержку», внутривластная борьба между претендентами не прекращалась на страницах местной печати. Так, в феврале-марте 1949 г. Шацикаускас и Граужинис разоблачали друг друга на страницах «Трибуна Популар» и «Бьен Публико». Шацикаускас при этом называл Граужиниса «фашистом», поскольку тот представлял «фашистское правительство кровавого диктатора А. Сметоны, который в 1926 г. уничтожил “демократическую” Литву», а потому не мог «ни выступать, ни писать от имени “демократической” Литвы». В ответ Граужинис называл Шацикаускаса «фальсификатором», а «президента» Габрис-Парашайтиса – «аферистом», соответственно, правительство Крупавичюса объявлялось единственным представителем «демократической» Литвы [АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 16. Папка 107. Д. 12. Л. 33].

После установления советско-уругвайских дипломатических отношений в 1947 г. советский посол в Монтевидео Н. В. Горелкин вынужден был неоднократно обращаться с заявлениями в адрес министра иностранных дел Уругвая Ларетту по поводу того, что Граужинас

...не представляет и не может представлять литовского правительства, поскольку единственным законно избранным народом Литвы правительством является правительство Литовской Советской Социалистической Республики... [Находящееся] за границей литовское, латвийское и эстонское эмигрантские правительства являются самозванными и не имеют никакого права и основания на представительство народов Литвы, Латвии и Эстонии [АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 16. Папка 107. Д. 12. Л. 24].

В те же годы в Уругвае посольство Великобритании представляло так называемые «эстонское и латвийское правительства».

В ноябре 1947 г. в Монтевидео по инициативе К. Граужиниса и Ф. Засикаускаса был создан Уругвайско-литовский культурно-

демократический альянс, члены которого включились в информационную войну против СССР, направив свои основные усилия прежде всего на борьбу против репатриации литовцев на родину. Дело в том, что часть переселенцев, выехавших в основном в период с конца 1920-х и в 1930-е гг. с территорий, вошедших в состав СССР, подлежала регистрации в качестве советских граждан на основании указа Президиума Верховного совета СССР «О порядке приобретения гражданства СССР гражданами Литовской, Латвийской и Эстонской Советских Социалистических Республик» от 7 сентября 1940 г.

Сама кампания по репатриации в СССР началась в Уругвае после прибытия сюда советской дипломатической миссии. Уругвайско-литовский культурно-демократический альянс через местную печать призывал литовских граждан не «регистрироваться у русских», отмечая, что «ни одно государство Америки не признало захвата» их «родины советами». При этом звучало предупреждение, что, превращаясь в советских граждан, литовцы попадали «в зависимость от русских... их могли бы насильно увезти в Советский Союз, а также могли бы обязать находиться на службе Советского Союза, проживая за границей» [АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 16. Папка 107. Д. 12. Л. 6–7].

Линия раскола внутри самой литовской диаспоры продолжала углубляться. В 1947 г. просоветски настроенными эмигрантскими организациями был созван Литовский конгресс Уругвая, Бразилии и Аргентины, на котором было принято обращение к главам трех стран о разрыве дипломатических отношений с Граужинисом. Реакции уругвайского правительства на это также не последовало, если не считать того, что Граужинису был передан список лиц, подписавших обращение [Мосейкина, с. 380].

Параллельно окружение Граужиниса продолжало вести антисоветскую пропаганду среди эмигрантов и местного населения, всячески стремясь привлечь колеблющихся литовцев на свою сторону. Для этого использовалась эмигрантская печать, в том числе газета «Голос», журналы «Литовец Южной Америки», «Lituania libre» («Свободная Литва»). Для иллюстрации радикализма позиции правых сил литовской эмиграции приведем выдержки из журнала «Lituania libre», выходившего на испанском языке под редакцией Уругвайско-литовского культурного альянса. Со страниц журнала звучало осуждение большевиков за присоединение к СССР прибалтийских республик, за то, что они привозят «русских и монгольских колонистов в их (литовцев. – М. М.) дома» [Lituania libre, 1948, № 2, р. 3]. Практически в каждом номере содержались обращения к объединенным нациям «защитить народы Прибалтики» [Lituania libre, 1948, № 2 (37), р. 3; Ibid., 1950, № 46, Р. 3] и сообщения о том, что консульские отделы советских представительств в Латинской Америке добиваются предоставления советского гражданства литовцам, латышам, эстонцам с целью их последующей репатриации в СССР [Lituania libre, 1948, № 44, р. 3].

Зимой 1951 г. вышел в свет очередной номер журнала со статьей под названием «Остров западной культуры между красными волнами», в которой подчеркивалась разница между Востоком, который олицетворял СССР, и Западом, к которому были отнесены народы Прибалтики. Говоря об этих народах как противниках всего советского, автор статьи заявлял:

...они защитились от этого вируса (большевизма. – М. М.) и еще раз в своей героической истории продемонстрировали, что они органично дышат воздухом западного мира, а не азиатских пустынь [Lituania libre, 1951, № 48, р. 3, 6].

Очевидно, что позиция, занятая литовской политической эмиграцией, создавала большие проблемы для советской дипломатической миссии, которая была ответственна за организацию процесса репатриации в СССР и действовала в соответствии с существовавшей правовой базой [Документы внешней политики СССР, с. 579].

Уже в октябре-декабре 1945 г. консульский отдел миссии СССР в Уругвае начал работу по регистрации в качестве советских граждан уроженцев Западной Украины и Западной Белоруссии на основании указа Президиума Верховного совета СССР от 30 июля 1945 г. Позже, после организации консульских отделов посольств в Бразилии и Аргентине, эти дела были переданы им. И только с прибытием миссии СССР в Уругвай в 1947 г. информация о порядке регистрации и оформления советского гражданства стала распространяться и на крупные города, однако к тому времени сроки регистрации «прибалтийцев и бессарабцев» истекли. Поэтому советские дипломаты, работавшие на континенте, ставили вопрос о продлении этих сроков. В конечном итоге в указанных странах после этого наблюдалось достаточное количество эмигрантов, зарегистрировавшихся в качестве советских граждан, которые с нетерпением ожидали «возвращения на родину», продав имущество, земельные участки, переселившись из сельской местности в города.

Следом вставала проблема транспортировки людей в СССР, решению которой могла помочь только «массовая репатриация советских граждан на родину (выделено мной. – М. М.)» путем организации специальных рейсов советских пароходов или использования пароходов, совершавших регулярные рейсы в страны Латинской Америки. Причина заключалась в том, что «индивидуальное оформление дел на выезд» было практически нереальным, поскольку большинство новых советских граждан не в состоянии были «оплатить дорогостоящий проезд на родину» [АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 15. Папка 105. Д. 10. Л. 12]. И это в отличие от положения дел в армянской и еврейской диаспорах на континенте. Так, армянская колония располагала собственными средствами для оплаты расходов по репатриации. Кроме того, переезд армян в СССР финансировал в США Комитет по оказа-

нию помощи в репатриации армян в советскую Армению, которым выделялись на это средства в разных странах (в частности, сумма для армянской колонии в Бразилии составляла 50 тыс. долларов). Наряду с армянскими существовали аналогичные еврейские комитеты, объединявшие евреев, желавших переселиться в Биробиджан.

Но в целом советские дипработники смогли наладить процесс репатриации, несмотря на сложные политические условия в странах проживания, ограниченность контингента консульских отделов и незнание их сотрудниками национальных языков. Они получали корреспонденцию на русском, испанском, португальском, украинском, еврейском языках, которая делилась на четыре категории запросов: 1) о порядке оформления советского гражданства; 2) об отправке частных посылок в СССР; 3) о въезде в СССР; 4) о розыске родственников. Ситуация осложнялась еще тем, что, большинство из обращающихся в консульство эмигрантов были малограмотными или совсем неграмотными, поэтому самим сотрудникам приходилось писать за них заявления, автобиографии, заполнять анкеты [АВП РФ. Ф. 076. Оп. 8. Папка 101. Д. 9. Л. 5–6].

Что касается репатриации литовцев из Уругвая в СССР, то, как отмечалось в официальном письме заведующего отделом латиноамериканских стран МИД СССР Д. Я. Жукова на имя заместителя министра иностранных дел А. А. Громыко от 2 марта 1949 г.,

...из-за отсутствия решения вопроса о репатриации литовцев из Уругвая и в связи с их тяжелым правовым положением в стране часть литовской колонии начинает подпадать под влияние Граужиниса и реакционных фашистских элементов [Там же. Ф. 0133. Оп. 16. Папка 107. Д. 12. Л. 13].

Положение усугублялось также тем, что просоветски настроенная часть литовской эмиграции в сложившейся ситуации испытывала затруднения в получении необходимых для контрпропаганды материалов из СССР, как и местная литовская газета «Дарбас» («Труд») была не в состоянии справиться со своей задачей, поскольку начиная с 1948 г. местные литовские прогрессивные организации перестали получать из Москвы от ВОКСа газеты, журналы, политическую и художественную литературу на литовском языке. В результате, по официальным данным, за шесть месяцев с начала регистрации литовцев в советское гражданство из 3 тыс. литовцев, проживавших в Уругвае, зарегистрировалось в советской миссии только 177 чел. [Там же].

Посол Г. Т. Горелкин в этой связи просил поставить перед руководством МИД СССР вопрос о хотя бы частичной репатриации в СССР советских граждан-литовцев, проживавших в Уругвае. В ответ на официальное письмо из МИД СССР от 28 марта 1949 г. министр иностранных дел Литовской ССР И. Гапка заявил, что власти в соответствии с пожеланиями МИД СССР готовы принять все меры для оказания помощи прогрессивным литовским организациям в Уругвае

и других странах Латинской Америки и что правительство Литовской ССР не возражает против репатриации в республику литовцев, проживавших в Уругвае и зарегистрированных в соответствии с указом Президиума Верховного совета СССР от 30 марта 1948 г. «О порядке приобретения гражданства СССР гражданами Литовской, Латвийской и Эстонской республик и уроженцами Бессарабии, проживающими в странах Латинской Америки» [АВП РФ. Ф. 0133. Оп. 16. Папка 107. Д. 12. Л. 13]. Это был специальный правовой документ, на основании которого до 1 июля 1949 г. пролонгировалась регистрация для тех, кто не успели зарегистрироваться как «советские граждане в дипломатических или консульских представительствах СССР в срок, предусмотренный указом Президиума Верховного совета СССР от 7 сентября 1940 г.» [Ведомости Верховного совета СССР]. В результате всех принятых мер в 1953–1958 гг. несколько сотен литовцев из разных стран континента вернулись в СССР. Проживавший в ту пору в Аргентине отец Дмитрий Константинов говорил о 40 тыс. чел. в Южной Америке, «рвавшихся во что бы то ни стало вернуться на “счастливую родину”» [Константинов, с. 424]. Этому способствовали, по его мнению, прежде всего итоги Второй мировой войны, советская пропаганда, но также и западная печать, «отождествлявшая советскую победу в войне с русской победой и СССР – с Россией» [Там же, с. 425].

* * *

Литовская диаспора за рубежом и в Уругвае, в частности, образуя собственные анклавные территории на территории стран проживания, сохраняла свою культурно-национальную идентичность и не допускала ассимиляции (по модели «плавильного котла»), чему во многом способствовали историческая память литовцев о родине и не прерывавшаяся ими связь со страной исхода. Примером служит первый Совет литовцев мира, прошедший в 1958 г. в Нью-Йорке. В условиях внутрдиаспорных расколов, которые имели место в среде литовской эмиграции, особенно в начальный период холодной войны, ее националистически настроенная часть стала активным участником антисоветских компаний, используя для этого финансы и все возможные информационные ресурсы, прежде всего США. Из этой части диаспорального ресурса готовились профессиональные кадры для борьбы с СССР за рубежом, но одновременно, как в случае с Литвой и другими прибалтийскими республиками, подготовленных там же бывших эмигрантов направляли на историческую родину выполнять задачи по продвижению американских интересов в регионе. Отсюда очевидной и закономерной была безусловная ориентация на Вашингтон этой части литовской диаспоры, призванной сеять антирусские настроения и поддерживать негативный образ СССР в общественном мнении Запада. Логично, что уже в новейшее время после распада СССР, возвращаясь из-за рубежа на историческую родину и получая

там важные государственные посты², представители национальных диаспор продолжали проамериканскую политическую линию, направленную на подрыв влияния теперь уже России в Прибалтике.

Библиографические ссылки

АВП РФ. Ф. 070. Оп. 15. Папка 104. Д. 25; Ф. 076. Оп. 8. Папка 101. Д. 9; Ф. 0133. Оп. 15. Папка 105. Д. 10; Оп. 16. Папка 107. Д. 12.

Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. 2000. № 3. С. 6–32.

Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск : Оттиск, 2011. 624 с.

Документы внешней политики СССР : в 26 т. М. : Междунар. отношения, 1957–2016. Т. 23. 1940–22 июня 1941 г. : в 2 кн. Кн. 1. 1 января – 31 октября 1940 г. 752 с.

Доронченков А. И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 216 с.

Дроздов С. Литва. Получение независимости. Ч. 13 // Проза.ру : [сайт]. 2021. URL: <https://proza.ru/2021/09/25/469?ysclid=ljczk80rhg476985002> (дата обращения: 18.02.2023).

Из доклада Центра мониторинга внутренних перемещений (IDMC) // РБК : [сайт]. 2023. 11 мая. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/645d11639a794732f575baa5> (дата обращения: 21.05.2023).

Кабузан В. М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб. : Блиц, 1996. 347.

Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М. : Наука, 1998. 268 с.

Константинов Д., прот. Через туннель XX столетия / под ред. А. В. Попова. М. : РГГУ, 1997. 592 с.

Мосейкина М. Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М. : РУДН, 2011. 388 с.

Носович А. А. История упадка. Почему у Прибалтики не получилось. М. : Алгоритм, 2015. 398 с.

Пивовар Е. И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М. : РГГУ, 2008. 547 с.

Попков В. Д. Феномен этнических диаспор. М. : Ин-т социологии РАН, 2003. 340 с.

Рупасов А. И. Аугустинас Вольдемарас и советско-литовские отношения в 1926–1929 гг. // Вестн. РУДН. Сер.: История России. 2022. Т. 21, № 2. С. 177–189. DOI 10.22363/2312-8674-2022-21-2-177-189.

Эйдинтас А. Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки в 1868–1940 гг. Вильнюс : Мокслас, 1989. 216 с.

Fitzpatrick Sh. White Russians, Red Peril: A Cold War History of Migration to Australia. Carlton, Vic. : La Trobe Univ. Press, 2021. 350 p.

Lituania libre. Montevideo. 1948. № 2 (37), 44; 1950. № 46; 1951. № 48.

² Яркий пример – президент Литвы Валдас Адамкус, который оказался на этом посту в 1998 г. в возрасте 71 года. Уроженец Каунаса, находившийся до этого в Германии, в 1944 г. вернулся в Литву, где служил в сформированном немцами «Легионе защиты Родины», входившем в одну из дивизий вермахта. После бегства в США и службы в военной разведке получил американское гражданство. В Америке занимался движением соотечественников; был членом совета Общины американских литовцев, председателем оргкомитета первых Всемирных игр литовцев 1983 г., организатором стажировок в США для представителей научных учреждений Литвы, в силу чего нередко наносил визиты в Литовскую ССР [см. об этом: Носович].

References

AVP RF [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. Stock 070. List 15. Folder 104. Dos. 25; Stock 076. List 8. Folder 101. Dos. 9; Stock 0133. List 15. Folder 105. Dos. 10; List. 16. Folder 107. Dos. 12.

Brubaker, R. (2000). "Diaspory kataklizma" v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope i ikh otnosheniya s rodinami ["Diaspora Cataclysm" in Central and Eastern Europe and Their Relationship with the Motherland]. In *Diaspory*. No. 3, pp. 6–32.

Dokumenty vneshnei politiki SSSR v 26 t. [Documents of the Foreign Policy of the USSR. 26 Vols.]. (1957–2016). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 752 p. Vol. 23. 1940–22 iyunya 1941 g. v 2 kn. Book 1. 1 yanvarya – 31 oktyabrya 1940 g. 752 p.

Doronchenkov, A. I. (2001). *Emigratsiya "pervoi volny" o natsional'nykh problemakh i sud'be Rossii* [Emigration of the "First Wave" about National Problems and the Fate of Russia]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 216 p.

Drozdo, S. (2021). Litva. Poluchenie nezavisimosti. Ch. 13 [Lithuania. Gaining Independence. Part 13]. In *Proza.ru* [website]. URL: https://proza.ru/2021/09/25/469?yscli_d=ljczk80rhg476985002 (accessed: 18.02.2023).

Dyatlov, V. I. (2011). *Vostok Rossii: migratsii i diaspory v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [East of Russia: Migrations and Diasporas in a Resettlement Society. Turns of the 20th and 21st Centuries]. Irkutsk, Ottisk. 624 p.

Eidintas, A. (1989). *Litovskaya emigratsiya v strany Severnoi i Yuzhnoi Ameriki v 1868–1940 gg.* [Lithuanian Emigration to the Countries of North and South America in 1868–1940]. Vilnius, Mokslas. 216 p.

Fitzpatrick, Sh. (2021). *White Russians, Red Peril: A Cold War History of Migration to Australia*. Melbourne. Carlton, Vic., La Trobe Univ. Press. 350 p.

Iz doklada Tsentra monitoringa vnutrennikh peremeshchenii (IDMC) [From the Report of the Internal Displacement Monitoring Centre (IDMC)]. (2023). In *RBK* [website]. 11 May. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/645d11639a794732f575baa5> (accessed: 21.05.2023).

Kabuzan, V. M. (1996). *Russkie v mire: dinamika chislennosti i rasseleniya (1719–1989). Formirovaniye etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda* [Russians in the World: Population and Settlement Dynamics (1719–1989). Formation of Ethnic and Political Boundaries of the Russian People]. St Petersburg, Blits. 347 p.

Kabuzan, V. M. (1998). *Emigratsiya i reemigratsiya v Rossii v XVIII – nachale XX veka* [Emigration and Re-Emigration in Russia in the 18th – Early 20th Centuries]. Moscow, Nauka. 268 p.

Konstantinov, D., archpriest. (1997). *Cherez tunnel' XX veka* [Through the Tunnel of the 20th Century] / ed. by A. V. Popov. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 592 p.

Lituania libre. Montevideo. (1948). No. 2 (37), 44. (1950). No. 46. (1951). No. 48.

Moseykina, M. N. (2011). "Rasseyany, no ne rastorgnuty": russkaya emigratsiya v stranakh Latinskoj Ameriki v 1920–1960 gg. ["Scattered, but not Dissolved": Russian Emigration in Latin America in 1920–1960]. Moscow, Rossiiskii universitet druzhby narodov. 388 p.

Nosovich, A. A. (2015). *Istoriya upadka. Pochemu u Pribaltiki ne poluchilos'* [History of Decline. Why Did the Baltics Fail]. Moscow, Algoritm. 398 p.

Pivovarov, E. I. (2008). *Rossiiskoe zarubezh'ye: sotsial'no-istoricheskii fenomen, rol' i mesto v kul'urno-istoricheskom nasledii* [Russian Diaspora: Social and Historical Phenomenon, Role, and Place in the Cultural and Historical Heritage]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 547 p.

Popkov, V. D. (2003). *Fenomen etnicheskikh diaspor* [The Phenomenon of Ethnic Diasporas]. Moscow, Institut sotsiologii RAN. 340 p.

Rupasov, A. I. (2022). Augustinas Voldemaras i sovetsko-litovskie otnosheniya v 1926–1929 gg. [Augustinas Voldemaras and Soviet-Lithuanian Relations in 1926–1929]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. Vol. 21. No. 2, pp. 177–189. DOI 10.22363/2312-8674-2022-21-2-177-189.

The article was submitted on 22.07.2023